

КРАСКИ НАСТРОЕНИЯ

Игорь Сорокин

Возле Привалова моста через Глебучев овраг на бывшей Полицейской улице стоит ныне пустующий деревянный дом на каменном фундаменте. Здесь, 5 ноября 1878 года, родился художник Павел Варфоломеевич Кузнецов.

Отец Павла Кузнецова, Варфоломей Федорович, был ремесленным иконописцем, содержал в своем доме живописную мастерскую. Он брал подряды на роспись храмов, исполнял церковные образа и царские портреты для учреждений.

Семья матери тоже, по воспоминаниям художника, «была очень творчески настроена и, главное, углубленного характера, благоговейно относящегося к искусству». Сама Евдокия Илларионовна прекрасно вышивала, любила и умела чувствовать музыку, живопись. И наверно, именно она впервые привела сына в открывшийся летом 1885 года Радичевский музей...

Но особую роль в воспитании будущего знаменитого живописца сыграл его дед, садовод Илларион Михайлович Бабушкин.

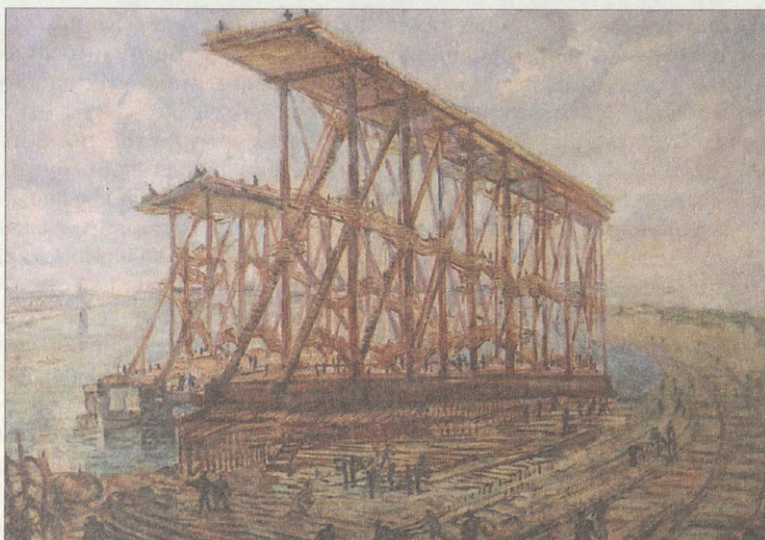
Вместе с ним Павел проводил все теплое время года. Недаром все автобиографии Павел Варфоломеевич начинал словами: «Родился в Саратове, в семье садовода».

«Себя я помню с трехлетнего возраста, с тех пор, когда я впервые увидел восходящее солнце весной, при переезде моей семьи в цветущие сады... — вспоминал Павел Кузнецов. — На озаренном зелено-фиолетовом небе показалось золотое солнце, отражаясь в весенних водах гигантского пространства Волги...». Эти принадлежавшие городу сады начинались на северном склоне Соколовой горы и спускались в низину, к самой реке.

Повзрослев, Павел стал посещать в Саратове студию при Обществе любителей изящных искусств, где преподавателями были художники Г.П.Баракки и В.В.Коновалов. Затем, перед поступлением в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, он брал уроки в только что открывшемся Боголюбовском рисовальном училище.

Дом художника
Фотография 1989 года

*П.В.Кузнецов. Фермы для моста через Волгу
1934. Холст, масло*

*П.В.Кузнецов. Стень
2-я половина 1910-х гг. Холст, масло*

Саратовский
государственный художественный музей
им. А.Н.Радищева

Учась в Москве, Кузнецов летом приехал домой. В одном из писем своему учителю В.А.Серову в Москву, сообщая, что задержится в Саратове еще на месяц, он пишет: «...С наступлением удивительной осени много хочет душа, стремление ввысь все сильнее и сильнее. Я дошел до бреда от красоты... Живу в золоте и серебре красок настроения...»

Истоки возвышенного поэтического мировосприятия Кузнецова — в незабываемых

впечатлениях детства и юности, в переполнявших душу восторгом садах, в тайнах молчащих ночных фонтанов, навевающих сказочные фантастические образы, в нежных воздушных красках местной природы. О «свирепой легкой работе в цветущих садах», о «сотнях холстов, написанных на Соколовой горе», о волжских просторах и неповторимых красотах — художник вспоминал как о самом счастливом времени. Огромные чигири — деревянные колеса, со

скрипом раздающие желобам для полива воду из прудов, и деревья в цвету — один из основных сюжетов раннего творчества Кузнецова. А сады и цветы Павел Варфоломеевич писал всю свою долгую, почти в столетие, жизнь.

В Саратове вместе с друзьями Кузнецов познакомился и сблизился с Борисовым-Мусатовым. В его «зеленой мастерской» на Плац-параде они вместе писали этюды. Возможно, что и Мусатов не раз посещал своего молодого друга, с которым особенно сблизился. В этом большом доме на склоне Глебучева оврага останавливались Петров-Водкин и Сарьян, друзья Кузнецова по Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества. Запросто заходили саратовцы Матвеев и художник Карев. Друг Павла художник Петр Саввич Уткин, этот верный рыцарь волжских просторов, начиная с отроческих и до последних своих лет, был здесь своим. Его каждодневный путь с нагорной стороны из Соколовского переулка лежал мимо кузнецовского дома — по Привалову мосту.

В доме у оврага кипели страсти по росписям в Казанской церкви, которые Павел Кузнецов вместе с Петровым-Водкиным, Уткиным и старшим своим братом Михаилом вдохновенно делали целое лето 1902 года. Этот подряд уступил молодежи отец Кузнецова, не зная еще, чем обернется их жажда творить высокое искусство. Далекое от строгих церковных канонов, росписи в храме после громкого скандала и почти двухлетней тяжбы с епархиальными властями были признаны еретическими и по решению суда уничтожены.

Теплом этого дома была взлелеяна «Алая Роза» — робкий цветок русского живописного символизма. Выставка с таким названием состоялась весной 1904 года в колонном зале саратовского Дворянского собрания. Ее инициаторы Уткин и Кузнецов вместе со своими работами и работами товарищей по учебе — Судейкина, Сапунова, Сарьяна, Половинкина, Феофилактова — представили и произведения художников старшего поколения, с которыми чувствовали живую связь — Врубеля и Борисова-Мусатова. Кто бы мог подумать тогда, что «пересаженная» на московскую почву даст она спустя три года такой прекрасный буйный цвет. «Голуборозовским», по имени выставки, стали называть целый период в русском искусстве начала XX столетия.

Спустя много лет историки искусства отведут Павлу Кузнецову такую же роль, кото-

рая в поэзии в то время принадлежала Брюсову и Андрею Белому, в скульптуре — Коненкову, в музыке — Скрябину, в театре — Мейерхольду.

И знаменитые кузнецовские фонтаны того времени начало свое берут в Саратове, ибо это «такое же блаженное воспоминание детства, как и все остальное в его искусстве».

Характерно, что и наступивший вслед за символизмом новый, «степной», период творчества Кузнецова тоже связан с его родным городом. Это счастливое время обретения себя, своей темы, небывалой еще свободы.

Именно из этого большого дома отправлялся Павел Кузнецов в свои летние кочевья. Отсюда он уезжал за Волгу, где начинались бескрайние степи, чтобы, вернувшись переполненным первобытным ощущением простора, запахами и звуками, наброситься на холсты.

В мансарде-мастерской, которую отец художника когда-то делил рыболовными сетями между тремя братьями, слагались в мелодию первые звуки знаменитой «Киргизской сюиты». Еще в детстве художнику чудилось, что «...любимые сфинксы на фонтанах саратовской площади пришли сюда из степей ...оттуда же, откуда пригоняют в город овец и где живут верблюды и пестрые молчаливые люди». Кузнецов вспоминал: «С Соколовой горы... я наблюдал Волгу, ее могучее течение и бесконечные просторы ее степей, начинающихся с противоположного берега. И эти таинственные дали неудержимо влекли меня изведать, что за природа скрывается там, что за народ ее населяет...»

Но сколько бы ни странствовал за свою жизнь художник, он знал — там, в пропыленном знойными суховеями или занесенном снегами Саратове, стоит над оврагом дом, готовый всегда согреть теплом любви, уюта, наполненный знакомыми запахами и воспоминаниями детства. Дом, в который можно всегда вернуться...

В родительском доме оставался жить его младший брат Виктор Кузнецов, известный в городе музыкант, виолончелист. После смерти Виктора долгое время сохраняла дом в нетронутым виде его вдова, Ольга Ильинична. Еще в семидесятых годах приносила она в Радищевский музей из завалов мансарды-мастерской пропыленные холсты, рисунки, вещи. Ждала, что дом у оврага, ее стараниями утопавший с приходом тепла в цветах, станет музеем. Но так и не дождалась...